

МЕСТНАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОИСКОВ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1820–1830-х ГОДОВ

*Работа представлена кафедрой истории и культуры
Рязанского государственного радиотехнического университета.*

Автор исследует подходы к изучению местной истории в России после публикации «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. В. В. Пассек, М. А. Максимович, И. И. Срезневский и другие, обращавшиеся к местной теме в русской истории в 1820–1830-е гг., интерпретировали ее не столько в научных терминах, сколько в духе художественных веяний романтизма.

Ключевые слова: исторические концепции, местная история, российская историография, романтизм.

V. Boyarchenkov

LOCAL HISTORY IN THE CONTEXT OF THE CONCEPTUAL SEARCH OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY IN THE 1820–1830S

The author of the paper investigates the approaches to studying local history in Russia after the publication of N. M. Karamzin's "History of the Russian State". V. V. Passek, M. A. Maksimovich, I. I. Sreznevsky and others who appealed to the local theme in Russian history in the 1820s and 1830s interpreted it in the artistic manner of Romanticism rather than in scientific terms.

Key words: historical concepts, local history, Russian historiography, Romanticism.

Соотношение национального исторического нарратива и локальных историографических традиций – проблема сравнительно новая для истории отечественной исторической науки. К настоящему времени контуры ее решения обозначены, пожалуй, лишь для

рубежа XIX–XX вв., когда изучение истории в России впервые по многим существенным характеристикам становится профессией [13]. Между тем истоки этой проблемы обнаруживаются задолго до того, как профессионализация в российской науке приобрела

зримые очертания, а роль основного поставщика исторического знания взяли на себя университетские научные школы. Итак, задачу настоящей статьи составляет исследование ранних попыток вписать местные сюжеты в контекст общероссийской истории.

Исход второго десятилетия XIX в. представляется в этом отношении рубежной вехой. В 1818 г. вышли в свет первые восемь томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, а в одном из частных писем, написанных в следующем году, впервые на русском языке прозвучало слово «народность». Карамзинскому труду и новому понятию, введенному в литературный обиход П. А. Вяземским, суждено было стать точками отсчета и одновременно, своего рода, противоположными полюсами притяжения для всех, кто работал в эту пору в науке русской истории. Георгий Федотов лучше других сформулировал отношение к Карамзину его младших современников: «За ним... стоял весь XVIII век, историки которого влились в “Историю государства Российского”. Карамзин завершитель» [18, с. 97].

Именно этим – прочностью историографического прошлого, служившего опорой великому историку, художественной завершенностью форм исторического письма – карамзинское наследие привлекало и отталкивало тех, кто шел по его стопам. XVIII столетие, стоявшее за Карамзиным, – это век Просвещения в идейной сфере жизни, век классицизма в литературе и искусстве. В основе того и другого – оптимистичная вера во всепобеждающую силу человеческого Разума, способного подчинить своей власти все стихийное и в самом человеке, и в природе и в обществе. Законы этого Разума могут быть неизвестны до поры до времени, но, будучи однажды поставлены на службу человечеству, мало считаются с обстоятельствами времени и места. В такой универсальной рационалистической картине мира история с ее пестротой явлений, бесконечной чередой слепых случайностей и действий, продиктованных скорее страстью, а не Разумом, была призвана играть роль воспитательницы, наставницы народов и в первую

очередь вершителей их судеб – правителей [11, с. 147, 148].

Развитие историографии в эпоху Просвещения шло в основном по пути вольного или невольного преодоления этой неисторичной в своей основе мировоззренческой парадигмы, но историки, даже такие талантливые, как Карамзин, не могли не считаться с ней в своих изысканиях. Если пафос национальных ценностей, не чуждый традициям классицизма, еще оправдывал обращение к формату общероссийской истории, то исследователю местной старины вписать свои сюжеты в контекст просвещенческого исторического нарратива было непросто. Из этого, разумеется, не следует, что местная история до 20-х гг. XIX в. не изучалась вовсе или изучалась без успехов. А. А. Севастьяновой удалось проследить весьма динамичное развитие русской провинциальной историографии на протяжении второй половины XVIII в. от исчерпывающихся и уходящих в прошлое местных летописных традиций к появлению таких форм историописания, в основе которых лежали принципы новоевропейской науки [17]. И все же многочисленные достоинства лучших исторических сочинений провинциальных авторов последней трети XVIII в. не отменяют периферийности проблемы местной истории в эту эпоху.

Труд преодоления этой ограниченности просвещенческой историографии выпал на долю романтического историзма, одним из предвестников которого в России и стало проникшее сюда благодаря Вяземскому понятие «народности». Романтическое мировосприятие утверждалось по мере того, как сама историческая действительность разоблачала утопии века Просвещения. Общеευропейский кризис, вызванный попыткой приложить рационалистическую доктрину к практике, жизнеспособность народов при терпящих бедствие правительствах, – эти и другие неожиданно открывшиеся стороны социально-политического опыта конца XVIII – начала XIX в. выявили несостоятельность упований только на силу человеческого разума и заставили по-новому взглянуть на функцию и содержание исторического зна-

ния. Романтизм как интеллектуальное и художественное течение взывал к поиску исторической преемственности. Постигание, наряду с «духом времени», «духа народа», или «народности», как это прозвучало в русской литературе, не только придавало значение каждому историческому факту, но и обеспечивало, по мнению историков-романтиков, эту преемственность. Романтический историзм, не равнодушный прежде всего к самобытности, оригинальности проявлений исторической жизни [16, с. 15], не мог оставить без внимания местную проблематику. И «народность», эта новая историческая категория неизменно сопутствует обращениям романтиков к местной истории.

Впрочем, поначалу эта связь проявилась не в научной, а в художественной литературе – в предисловии П. А. Вяземского к пушкинскому «Бахчисарайскому фонтану» (1824), одном из ранних манифестов романтизма в России. Отвечая на возмущенно-недоумевающую реплику «Классика»: «Что такое народность? Этой фигуры нет ни в пиитике Аристотеля, ни в пиитике Горация», «Издатель» заявляет: «Она не в правилах, но в чувствах. Отпечаток народности, местности – вот что составляет, может быть, главное, существеннейшее достоинство древних и утверждает их право на внимание потомства». И далее, среди достоинств «Бахчисарайского фонтана» он отмечает и то, что «цвет местности сохранен в повествовании со всею возможною свежестью и яркостью» [8, с. 49, 52]. Так термин «цвет местности», калька с французского «couleur locale», впервые прозвучал в русской литературе. Требование «местного колорита», как замечает М. К. Азадовский, «стало вскоре рассматриваться как один из обязательнейших элементов романтического канона», запечатлевшийся в исканиях писателей, поэтов, критиков, историков и фольклористов [1, с. 193].

Едва ли не первым раскрыл состав традиционной для «местного колорита» проблематики М. А. Максимович в предисловии к первому изданию собранных им «Малороссийских песен» (1825). Познание истинной цены «народности», по его мнению, впервые

открывает дорогу к созданию «поэзии истинно русской». Отсюда и интерес Максимовича к «памятникам, в коих полнее выражалась бы народность: это суть песни – где звучит душа, движимая чувством, и сказки – где отсвечивается фантазия народная» [12, с. 439, 440]. Фактически исследователь признает историческое значение всего фольклорного материала в его совокупности, причем в данном случае он останавливает свой выбор на обработке «местного», малороссийского песенного фольклора. Вместе с тем конечной целью освоения этнографического материала здесь объявляется внеисторическая по сути, литературная задача.

В отличие от Максимовича и Вяземского, в историческом ключе строил свои рассуждения З. Я. Доленга-Ходаковский, поляк, вынужденный после наполеоновских войн обосноваться в России. В 1820 г. он представил «Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории». И хотя сам термин «местный колорит» здесь не употребляется, общий исходный пункт для концептуальных поисков этого автора, Вяземского и Максимовича налицо. В упомянутом «Проекте» констатируется неудача всех предыдущих попыток славянских ученых создать свою историю. Главную причину этого неуспеха Доленга-Ходаковский видит в том, что «писали Историю, не познавши народа, представляли большой театр наших действий, которого обозреть и сличить писателям никогда не удавалось». Он убежден, что письменные источники, уже известные и еще неоткрытые, не в состоянии дать исчерпывающие ответы на многие принципиальные исторические вопросы, среди которых, например, вопрос о происхождении славянства. По его мнению, эти ответы «рассеяны на целом пространстве земли славянской», поэтому несостоятельна исследовательская практика, когда «одаренные многими способностями, известные люди придерживаются столиц, великих палат и приятных обществ, и никак не хотят заглянуть в черные хижиньы» [9, с. 291–293].

Его собственный проект, в силу разных обстоятельств, так никогда и не был реализо-

ван полностью. Но идея о путешествии как о главном средстве решения местных исторических вопросов, число которых с введением в оборот категории «народности» резко увеличилось, оказалась удивительно живучей. «Поездки», «прогулки», «путешествия», на протяжении двух последующих десятилетий – один из основных жанров исторического описания, в пределах которого реализовывалась потребность исследователей российской старины в знакомстве с местной исторической жизнью [2, с. 194].

Самое масштабное мероприятие в этом плане – работа Археографической экспедиции, начало которой приходится именно на 1820-е гг., – в большей степени было результатом развития прежней историографической традиции, ориентированной исключительно на письменные источники. Но непосредственные участники экспедиции выносили из знакомства с провинцией совершенно новые впечатления.

Особенно плодотворной была в этом отношении поездка по русскому северу П. М. Строева. Возвратившись осенью 1829 г., он представил в Академию наук сведения об успехах Археографической экспедиции. Здесь, наряду с археографическими достижениями, обращает на себя внимание нетерпение Строева поделиться выводами из «наблюдения местностей, особенно любопытного и поучительного». Археограф утверждал, в частности, что «двиняне, онежане, пинежцы, важане мало изменились от времени и нововведений: их характер свободы, волостное управление, образ селитьбы, пути сообщения, нравы, самое наречие, полное архаизмов, и выговор невольно увлекают мысль в пленительный мир *самобытия* новгородцев». Строев убежден: «Познание местностей, особенно *девственного* севера, приложенное к преданиям и документам старины, способно озарить наше Деписание живым светом истины. Сюда, опытные наблюдатели!» – таким пламенным призывом завершает он свой «очерк успехов восьмимесячного странствия» [4, с. 198, 199].

Этот призыв не пропал втуне. М. П. Погодин, один из крупнейших русских истори-

ков этого времени, после разговора со Строевым немедленно написал С. П. Шевыреву: «Строев здесь. Какие чудеса рассказывает он о северном крае! ...Каковы самоеды там, каковы русские, чистые и не смешанные» [3, т. 2, с. 369]. Интерес Погодина к местным особенностям общерусского исторического процесса упрочился, когда к впечатлениям Строева он прибавил свои собственные, полученные в Тверской губернии летом 1837 г., где ему довелось присутствовать на празднике Св. Арсения Тверского. Увиденные историком совершенно незнакомые обряды навели его на мысль, что «русская история может улучшиться, усовершенствоваться, даже уразуметься только посредством местных наблюдений и разысканий». А это, в свою очередь, вызвало его на критику кабинетной науки: «Нет, пятьсот тысяч Москвы и Петербурга не составляют еще России, и чтоб знать Россию, надо ее рассмотреть, и рассмотреть не из кабинета московского или петербургского, а на месте, пожить долго в каждом ее краю, познакомиться со всеми ее званиями, ибо дворянин московский совсем не то, что оренбургский, курский, и крестьянин тверской во многом не похож на орловского, не говорю уже о малороссийском» [3, т. 5, с. 89].

Не удивительно, что одним из главных уроков, которые Погодин извлек в ходе поездки, стало его решение «отправляться всякий год в путешествия по России, которую решительно мы знаем очень мало, погрузясь в своих школьных разысканиях и диссертациях». В результате таких регулярных путешествий он объехал, в конце концов, всю европейскую Россию, по словам К. Н. Бестужева-Рюмина, «изучая на месте и теперешних людей, и остатки древностей» [3, т. 5, с. 93; 5, с. 43]. Наряду с этим, он поддерживал тесные контакты с местными любителями старины и часто предоставлял страницы своего «Москвитянина» для их публикаций исторического и этнографического содержания. В то же время Погодин как будто не хотел замечать, что это признание самостоятельного научного значения за местной историей содержит в себе скрытый вызов концепции «Истории

государства Российского», все еще весьма авторитетной в 1830–1840-е гг.

Особенно наглядно достоинства и недостатки изысканий в духе «местного колорита» демонстрирует издание В. В. Пассека «Очерки России» (1838–1842) – пожалуй, самое яркое по местной проблематике в это время. Позиция издателя, в которой просвечивает энтузиазм в отношении местных штудий и скепсис по поводу всевозможных обобщений, отражена в предисловии к первой книге и в первой же авторской статье. Пассек считает, что «каждому из нас известна одна какая-нибудь часть России, но смело можно сказать, что вполне никто не знает богатства и глубины ее жизни ...» Отсюда и задачи издания: «Очеркам России» надлежало «сосредоточивать, по возможности, все рассеянные понятия и знания, приобретенные более опытом и основанные на действительности, нежели выведенные из умозрения» [14, с. V, VI; 19, с. 411–415].

Проблема синтеза, сведения воедино всех этих разнородных данных мало беспокоит Пассека. Он готов отодвинуть ее решение в неопределенное будущее: «Наше отечество во всех отношениях ... еще так ново и богато разнообразием природы, глубиной и оттенками народного характера, что только в продолжение долгих лет взаимными бескорыстными усилиями будут исчислены и понятны многие из его сокровищ» [15, с. 25]. Подобных воззрений, похоже, придерживались и остальные участники «Очерков». В результате получилось очень пестрое по содержанию издание, где друг за другом, без всякого внутреннего порядка следовали материалы по осетинской филологии, путевые заметки о поездке в Путивль, очерки из быта малороссийских казаков XVII в. и описание одного из среднерусских монастырей. О некоторой, впрочем, весьма относительной цельности можно говорить только в отношении образовывавших целые серии материалов постоянных сотрудников, среди которых выделяются своеобразные «малороссийские циклы» очерков В. В. Пассека и И. И. Срезневского. Оба они были тесно связаны с кружком в Харькове, в который, кроме них,

входили О. и Ф. Евецкие, И. Расковшенко, А. Шпигоцкий, П. Иноземцев, Л. Боровиковский, И. Петров. Кружок увлекался собиранием памятников украинского народного творчества и местной казацкой старины.

И. И. Срезневский был в нем, бесспорно, самым деятельным и заметным в научном отношении участником. В 1830-е гг. его труды по изучению местной истории увенчались двумя выпусками «Запорожской Старины». «Народ воинов», как называет Срезневский запорожцев, привлек его внимание и «заслужил место в памяти потомства» в том числе, потому что был «своим странным составом, и образом жизни, и характером... отличен от всего, его окружавшего». Вслед за Ходаковским, Максимовичем, Строевым и Пассеком, издатель «Запорожской старины» жалуется на бедность письменных источников, которая вынуждает историка запорожцев находить «для своих исследований богатый, неисчерпаемый рудник в преданиях народных» [10, с. 6, 7].

Любопытна его источниковедческая характеристика этих материалов. «Старина Запорожская», живущая в памяти стариков-бандуристов, по мнению Срезневского, «важнее всяких летописей». Рассказываемые этими стариками предания, «хотя... и подлежат строгой критике, но тем не менее почти необходимы для всякого, кто желает знать историю Запорожцев и даже остальной Украины». Далее ученый, ссылаясь на принятое у немцев разделение истории на внешнюю, событийную и внутреннюю, охватывающую быт, нравы, обычаи, указывает на неодинаковую ценность наследия бандуристов для этих частей. Если событийную сторону фольклорных памятников Срезневский считает необходимым проверять, где это возможно, материалами летописей и, главное, сведениями других преданий, то для внутренней истории эти памятники, на его взгляд, «решительно драгоценны, ибо единственны в своем роде и по содержанию, и по обширности». Откровенное любовное непосредственно народного творчества выдает в ученом убежденного приверженца романтизма: «В песнях и думах Запорожцев вы не найдете ни чопорного сладкогласия, ни из-

неженности чувств. Нет! В них все дико, подобно дубравам и степям, воспринявшим их на лоно свое при рождении, – все порывисто, подобно полету урагана степного, под глухие завывания которого они взлеяны, – все бурно, подобно минувшей жизни Запорожья» [10, с. 7–11].

Определив общий характер запорожского фольклора, издатель утверждает, что песни и думы, «будучи любопытны для всякого литератора-беллетриста, важны для историка и этнографа», ибо «подчиненные музыке, будучи вытверживаемые слово в слово, или почти так, они подлежали меньшему влиянию времени, правильнее сохранили свое содержание, и кроме своего содержания любопытны как произведения народные, носящие на себе отпечаток вкуса, мнений, наклонностей народа: они суть памятники не только о старине, но и старины» [10, с. 14]. Итак, развернутые путешественниками и фольклористами поиски «народности» и «местного колорита», оставаясь, как правило, в стороне от полемики, выявляли новые возможности исторических изысканий.

Итак, романтизм, одним из первых вестников которого в России явилось учение о «местном колорите», представил в 1820-е гг. перед взорами читающей публики, только усваивавшей карамзинскую версию отечественной истории, новый факт – местную историю во всем многообразии ее проявлений. То, что история России обогащается местным фактическим материалом, было известно уже в XVIII в., однако именно теперь достоянием многих впервые становится мысль, что местная история своими особенными чертами и красками избавляет картину прошлого от монотонности.

Благодаря этим новым представлениям, местная проблематика обрела недостававшее ей прежде самостоятельное значение. Но эта вновь обретенная самодостаточность местного сюжета не была следствием глубоко продуманной научной концепции. Она была скорее сродни завершенности художественного замысла, подчинявшего себе на первых порах трактовку этого сюжета, как показывают приводившиеся работы М. А. Максимовича, И. И. Срезневского и отчасти В. В. Пассека. Видимо, поэтому сама постановка вопроса об отношении вновь обнаруженной местной истории к давно признанной общероссийской была в 1820–1830-е гг. едва намечена.

И все же не стоит воспринимать этот недостаток концептуальной зрелости первых опытов историописания в духе романтического учения о «местном колорите» как свидетельство его изначальной ограниченности. Это учение, непосредственно связанное с новой для российской историографии проблемой народности, раздвинуло пределы традиционного круга письменных источников и указало историкам на широкие и нескоро исчерпавшие себя познавательные возможности «ученого путешествия». В эпоху «великих реформ» молодые историки, как, например, упоминавшийся К. Н. Бестужев-Рюмин, могли иронизировать по поводу идеи Погодина «переселиться» на берега Балтики для того, чтобы живо представить себе варягов, и в то же время восторженно приветствовать программу историко-этнографических путешествий Н. И. Костомарова, генетически связанную с исканиями «местного колорита» 1820–1830-х гг. [6, с. 103, 104; 7, с. 57].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1. 479 с.
2. *Афиани В. Ю.* «Открываемая Россия»: путешествие как метод краеведческого изучения // Историческое краеведение. Пенза, 1993. С. 189–200.
3. *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889. Т. 2. 420 с.; СПб., 1892. Т. 5. 520 с..
4. *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. 677 с.
5. *Бестужев-Рюмин К. Н.* Михаил Петрович Погодин (1800–1875) // Славянское обозрение. 1892. № 1. С. 41–49.
6. *Бестужев-Рюмин К. Н.* Рец. на: Погодин М. П. Норманский период русской истории // Отечественные записки. 1859. № 12. С. 102–111.

7. Б-Р [Бестужев-Рюмин К. Н.] Федеративное начало в древней Руси (По поводу статьи г. Костомарова) // Отечественные записки. 1861. № 2. С. 53–66.
8. Вяземский П. А. Разговор между издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова // Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 48–53.
9. Доленга-Ходаковский З. Я. Проект ученого путешествия по России // Сын Отечества. 1820. Кн. 33. С. 289–312.
10. Запорожская старина. Харьков: Изд. И. И. Срезневского. 1833. Т. 1. Ч. I. 132 с.
11. Кроче Б. Теория и история историографии. М., Школа «Языки русской культуры», 1998. 191 с.
12. Максимович М. А. О малороссийских народных песнях // Собр. соч. Киев, 1877. Т. 2. С. 439–452.
13. Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии (В. Б. Антонович, М. В. Довнар-Запольский и их ученики). М.: Прометей; Брянск: Изд-во БГПУ, 1997. 228 с.
14. Пассек В. В. От издателя. // Очерки России. СПб., 1838. Кн. 1. С. V–VIII.
15. Пассек В. В. Положение гор в России // Очерки России. СПб., 1838. Кн. 1. С. 1–25.
16. Савельева И. М., Поletaев А. В. История и интуиция: наследие романтиков. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 52 с.
17. Севастьянова А. А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. М.: Археографическая комиссия РАН, 1998. 292 с.
18. Федотов Г. П. Россия Ключевского // Наше наследие. 1991. № 3. С. 97–102.
19. Филимонов С. Б. Записка В. В. Пассека о программе издания «Очерков России» // Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970. С. 411–415.

REFERENCES

1. Azadovsky M. K. Istoriya russkoy fol'kloristiki. M.: Uchpedgiz, 1958. T. 1. 479 s.
2. Afiani V. Yu. «Otkryvayemaya Rossiya»: puteshestviye kak metod krayevedcheskogo izucheniya // Istoricheskoye krayevedeniye. Penza, 1993. S. 189–200.
3. Barsukov N. P. Zhizn' i trudy M. P. Pogodina. SPb., 1889. T. 2. 420 s.; SPb., 1892. T. 5. 520 s.
4. Barsukov N. P. Zhizn' i trudy P. M. Stroyeva. SPb., 1878. 677 s.
5. Bestuzhev-Ryumin K. N. Mikhail Petrovich Pogodin (1800–1875) // Slavyanskoye obozreniye. 1892. N 1. S. 41–49.
6. Bestuzhev-Ryumin K. N. Rets. na: Pogodin M. P. Normanskiy period russkoy istorii // Otechestvennyye zapiski. 1859. N 12. S. 102–111.
7. B-R [Bestuzhev-Ryumin K. N.] Federativnoye nachalo v drevney Rusi (Po povodu stat'i g. Kostomarova) // Otechestvennyye zapiski. 1861. N 2. S. 53–66.
8. Vyazemsky P. A. Razgovor mezhdru izdatel'em i Klassikom s Vyborgskoy storony ili s Vasil'yevskogo ostrova // Estetika i literaturnaya kritika. M., 1984. S. 48–53.
9. Dolenga-Khodakovskiy Z. Ya. Proekt uchenogo puteshestviya po Rossii // Syn Otechestva. 1820. Kn. 33. S. 289–312.
10. Zaporozhskaya starina. Khar'kov: Izd. I. I. Sreznevskogo, 1833. T. 1. Ch. I. 132 s.
11. Kroche B. Teoriya i istoriya istoriografii. M., Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1998. 191 s.
12. Maksimovich M. A. O malorossiyskikh narodnykh pesnyakh // Sobr. soch. Kiyev, 1877. T. 2. S. 439–452.
13. Mikhal'chenko S. I. Kiyevskaya shkola v rossiyskoy istoriografii (V. B. Antonovich, M. V. Dovernar-Zapol'skiy i ikh ucheniki). M.: Prometey; Bryansk: Izd-vo BGPU, 1997. 228 s.
14. Passek V. V. Ot izdatelya // Ocherki Rossii. SPb., 1838. Kn. 1. S. V–VIII.
15. Passek V. V. Polozheniye gor v Rossii // Ocherki Rossii. SPb., 1838. Kn. 1. S. 1–25.
16. Savel'yeva I. M., Poletayev A. V. Istoriya i intuitsiya: naslediyе romantikov. M.: GU VShE, 2003. 52 s.
17. Sevast'yanova A. A. Russkaya provintsial'naya istoriografiya vtoroy poloviny XVIII v. M.: Arkheograficheskaya komissiya RAN, 1998. 292 s.
18. Fedotov G. P. Rossiya Klyuchevskogo // Nashe naslediyе. 1991. N 3. S. 97–102.
19. Filimonov S. B. Zapiska V. V. Passeka o programme izdaniya «Ocherkov Rossii» // Arkheograficheskii yezhegodnik za 1968 g. M., 1970. S. 411–415.